ice in NYC 50¢, outside of NYC $1

стр.4-7

КУБИКИ РУТБЕРГА

ЭЛИТА КЛАССА «А» ОТ ЛЕОНОРЫ БУЛЫЧЁВОЙ

стр.8-9

№26 (264)
ИЮЛЬ 2025

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

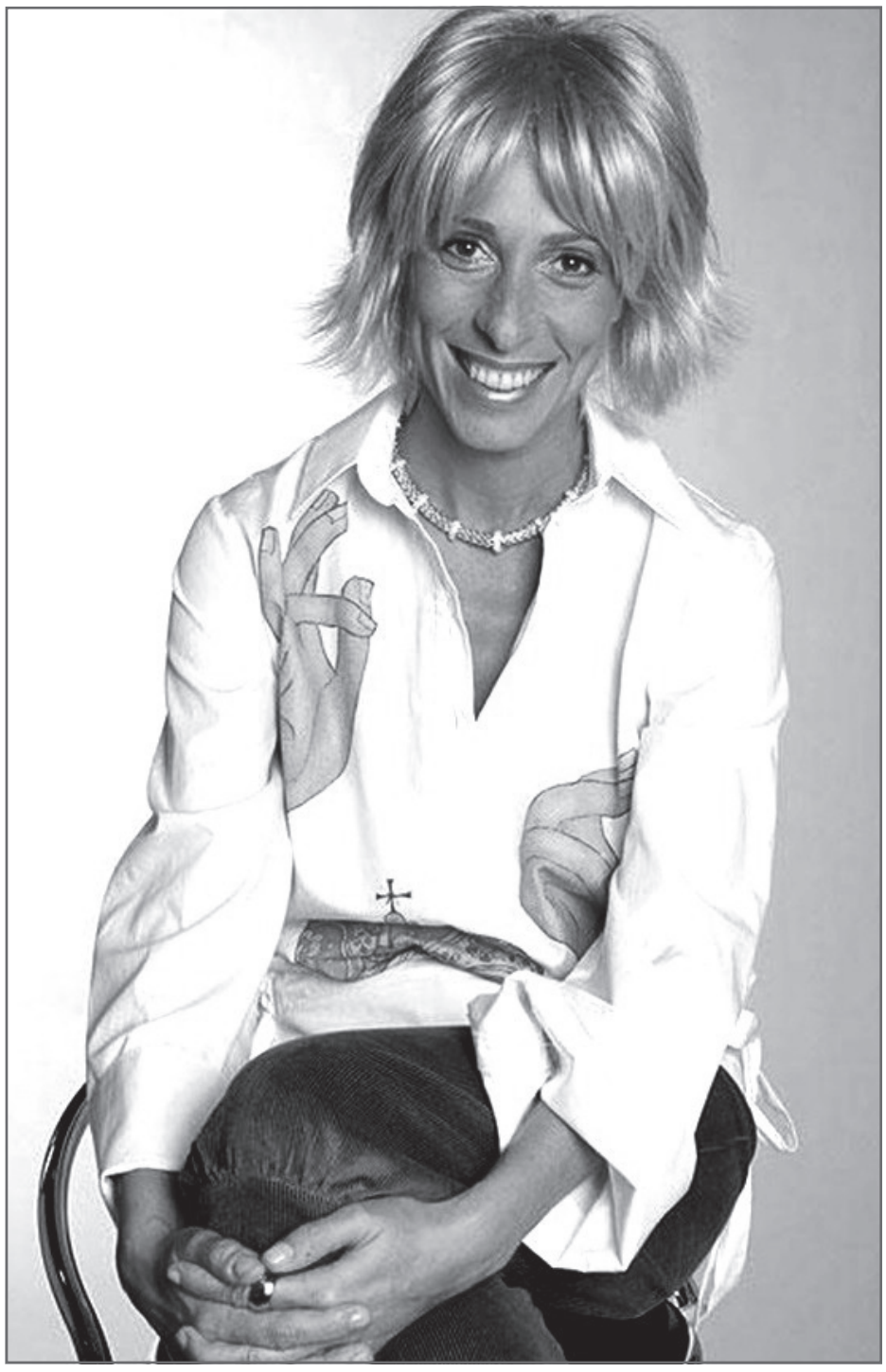
БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

стр.14-17

ОТЧАЯННАЯ РУТ

РУСАЛКИ ПРОТИВ КАЗИНО!

стр.10-11



КУБИКИ РУТБЕРГА

Геннадий Норд

Первый раз мы встретились на концерте в Доме актера. И тогда меня покорил тот уровень импровизации и умения мгновенно овладеть залом, который продемонстрировала Юлия Рутберг.

В детстве

Потомственная актриса Юлия Рутберг по-настоящему уникальна. Недаром критики говорят, что у нее «свой» театр, «десятки амплуа», «свои» режиссеры и свои поклонники. Плюс неподражаемый тембр голоса, который можно узнать за версту, а озвучивает актриса много чего интересного.

К тому же умница, интеллектуал, всегда со своим «особым» мнением.

Да, бывает резка, особенно если спрашивают о личной жизни, - этот вопрос для посторонних закрыт навсегда.

И еще мне нравится фраза, сказанная Юлией:

- Иногда на сцене я ловлю себя на ощущении, что я - двухметрового, трехметрового роста, вешу сто, двести килограммов. Превращаюсь в Цезарию Эвору, в Эллу Фицжеральд.

Ничего себе образ и автопортрет!

- Спектакль «Хлестаков» театра имени Станиславского, где ты играешь жену Городничего, существует уже почти два десятка лет, получил немало престижных премий.

- Главное, что он стал открытием гигантского артиста Максима Суханова. У него были и до этого очень хорошие работы, но именно здесь сошлись какие-то линии, возникло «золотое сечение». Хлестаков в трактовке Максима стал разорвавшейся бомбой. Благодаря такому «прыжку» Макса, мне кажется, и я «выпрыгнула» вслед за ним. И полетела!

С Максимом Сухановым мы работаем вместе 22 года, а знакомы 23. И я готова играть с ним все что угодно: его собаку, чемодан, плащ, палочку. Мы чувствуем друг друга.

- Некоторые критики считают, что этот спектакль был культовым в 1990-е, а сейчас его время ушло.

- Я думаю, что этих критиков можно только пожалеть. Во-первых, потому что они варятся, судя по всему, в «собственном саке», и уже не чуют земли под собой. Если бы ему вышло время, если бы спектакль потерял смысл и актуальность, первым бы, кто запретил играть его, был бы сам Гоголь.

- В каком смысле?

- В прямом! В театральных кругах давно известно, что не только Булгаков, но и Гоголь мстителен по отношению к тем кино и театральным версиям, которые ему неугодны. Судя по всему, мы Гоголю угодны. Ведь мы по-прежнему выполняем главную заповедь Николая Васильевича. Известно, что в своем послании артистам, которые когда-либо будут играть эту пьесу, он писал, что можно играть в любых костюмах, любых декорациях, но ему важно, чтобы главным героем этой пьесы был смех.

- Любопытно, а как бы Николай Васильевич «отомстил»?

- Он бы сделал что-то такое, чтобы спектакль закрылся. Ведь Гоголь калечит артистов, сжигает декорации, заливает театры, устраивает пожары. Абсолютно конкретно все происходит. Я не шучу. Жив курилка Гоголь, и то, о чем он писал, практически не изменилось, а просто трансформировалось на витках развития человечества.

- Твои дедушка с бабушкой, мама с папой - музыкально-театральные профессионалы. Можно сказать, что именно наследственность подтолкнула тебя к актерской стезе?

- Исполнительские задатки были у меня еще в музыкальной школе. Хорошо пела, пока не начал ломаться голос. Правда, это не помешало мне два года отучиться на эстрадном факультете ГИТИСа. Но безусловно, родители, семья, творческая обстановка меня сформировали. Класса с пятого я уже мечтала быть на сцене.

- Многие дети известных актеров не могут преодолеть комплекс «продолжателя династии», их постоянно подозревают, что поступили по блату. Когда ты поняла, что состоялась как самостоятельная актриса?

- Когда я поступила в театральное училище, первые годы, как пощечину воспринимала фразу:

- Ты Юля Рутберг? Илюхина дочка?

Хотя папа переступил порог училища только во время моего дипломного спектакля. А потом как-то раз он был в Ленинграде на мастер-классе, к нему подошла женщина и спросила:

- Простите, вы Рутберг? Папа Юли Рутберг? Передайте ей, пожалуйста, что я видела «Зойкину квартиру» и мне очень понравилось.

Наверное, в этот момент я многое поняла.

- Если не ошибаюсь, в кино вы с отцом сыграли вместе всего однажды - в картине «Блюз опадающих листьев».

- «Сыграли вместе» - слишком громко сказано! Мы даже не столкнулись с папой в кадре. На премьере мы шутили, что «удачно» выступили в этот раз семьей. Получилась этакая «группа инвалидов»: папин герой - парализованный, на каталке, моя героиня - хромая, с костылем.

- Говорят, что самое главное в актере - харизма, сексуальный магнетизм. А ты как считаешь?

- Когда Станиславского студенты спросили: «Что для артиста самое главное?», он ответил: «Обаяние». Я полностью согласна.

- За последние годы ушла большая часть поколения великих актеров. Ты чувствуешь на себе ответственность за то, что теперь молодые артисты равняться будут на твое поколение?

- Не думаю, что мы для молодых стали такими же, какими были для нас мэтры. Но ты совершенно прав, что на нас падает абсолютная ответственность. Образовывать и наставлять - неотъемлемая часть искусства. И большие мастера всегда этим занимались - они вели за собой. Теперь вести за собой должно наше поколение. Конечно, это обязывает.

Вот я сейчас изумляюсь, глядя на поколение, прошедшее войну, послевоенный период, голод. Владимир Абрамович Этуш. Галина Львовна Коновалова - заведующая труппой нашего театра - играет в четырех спектаклях, а ей 94 года! Мой художественный руководитель - Алла Александровна Казанская - в 88 лет выходила на сцену, и мы вместе играли спектакль! Поражаюсь этим людям! Моим бабушкам и дедушкам, родителям, которые прошли и блокаду, и войну, и эвакуацию.

- Твой «Театральный проект Юлии Рутберг», созданный не-

С отцом - актером театра и кино Ильей Рутбергом

В роли Фаины Раневской в сериале «Орлова и Александров»

С Андреем Ильиным в спектакле «Крик лангусты» театра им. Вахтангова

сколько лет назад, выпустил всего один спектакль - «Вся эта суета». Продолжение последует?

- Пока, думаю, нет. И чувствую, что мне не очень по зубам продюсерская профессия, потому что я человек честный и порядочный. У меня все актеры получают свои денежки, пусть и маленькие, а я сама очень часто играю этот спектакль бесплатно. Как бы то ни было, мы все равно победили, потому что до сих пор существуем. Играем и на театральных сценах, и в клубном формате.

Для меня этот спектакль важен еще и потому, что я там существую не только в ипостаси артистки, шансонье, но еще и как личность. Могу говорить от первого лица о том, что мне нравится, не нравится, о том, что мне дорого. Это для меня прорыв.

- Как ты все успеваешь совмещать? Кино, театр, антрепризы, сольную программу, переезды, перелеты, гостиницы.

- Да! Очень тяжёлая профессия актёрская, она требует очень большого здоровья. Но уж очень я ее люблю.

- Как ты отдыхаешь?

- Люблю плавать в море. Когда погружаюсь в воду, особенно с маской и трубкой, а мимо проплывают диковинные рыбы, смотрят на тебя, ощущаешь такой покой. Вода снимает напряжение.

Отдыхаю душой, когда на лыжах катаюсь. Я люблю зимний отдых.

Еще я всегда любила джаз и саксофон. От депрессий спасаюсь чтением, люблю погулять, сходить в кафе. Лично мне это помогает организовать в этом жутком цейтноте маленькую нормальную жизнь.

- А тусовки? Раньше тебя там часто встречал.

- Мне стали совершенно неинтересны тусовки, гламуры, сборища суперпопулярных людей. Что-то мне так все это надоело.

- Ты человек резкий, «острохарактерный». С такими, наверное, и трудно, и надежно дружить. Интересно, какие люди тебе нравятся?

- Те, кто видит человека и вникает в его существо. Вот таких людей я люблю больше всего. Еще терпеть не могу фальши. У меня все-таки шесть классов гнесинской школы за плечами, я мгновенно вычисляю фальшивые голоса. И тогда во мне просыпается терминатор.

- Многие считают тебя звездой. А ты как бы сама сформулировала свой актерский статус?

- Мне всегда смешно, когда люди изощряются в изобретении титулов, чтобы ярче обозначить величие собственной персоны. Основные понятия давным-давно сложились и предельно четки - профессионал, мастер, порядочный человек, человек с репутацией. Надеюсь, я - профессионал.

- В спектакле по Набокову ты играла госпожу Отт - этакую «женщину-Воланда». Мистические роли не пугают?

- Мистика - это интересно! Я имею в виду отнюдь не то, что связано с сатанинством, - никогда не стала бы лежать в гробу, «связываться» со смертью, тяжелыми болезнями или играть черта. В мистике меня привлекает все то, в чем есть философия. Хотя, безусловно, мне всегда страшно браться за всё, что связано с чертовщиной, с потусторонними

С Ольгой Ломоносова в сериале «Не родись красивой»

силами. Я стараюсь этого не делать. Потому что роль проникает в тебя всё равно, и ты воздействуешь на зрителей своими нервами, а мысли и эмоции материальны.

- Тебя никогда не сравнивали с Фаиной Раневской? На мой взгляд, много общего - тот же низкий тембр голоса, резкие точные суждения, яркая образность, отменное чувство юмора.

- Спасибо, конечно. Но я о себе более скромного мнения: есть всего несколько работ в моей жизни, за которые я себя зауважала. А к Фаине Георгиевне Раневской я отношусь с огромным уважением и по гроб жизни ей благодарна: это она всем доказала, что из маленьких ролей тоже можно сделать шедевры. Например, вряд ли кто вспомнит фильм «Александр Пархоменко» 1942 года выпуска. Но все помнят ее крохотную роль - великолепную тапершу с папиросой в зубах. Какого же масштаба была эта личность, если ее до сих пор так любят зрители!

- Есть роли, о которых ты мечтаешь?

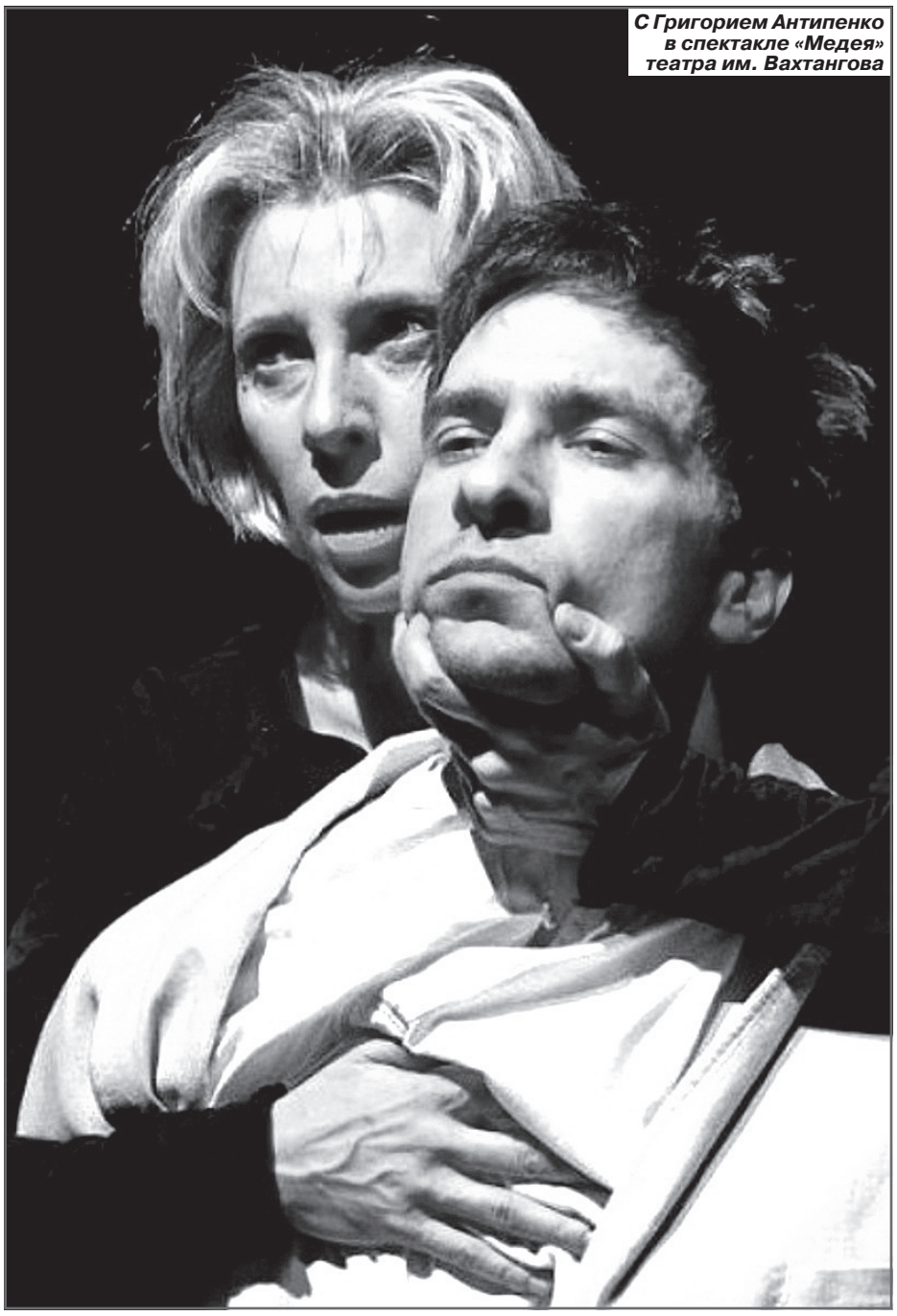
- Обожаю отрицательные роли, потому что там всегда надо искать положительное. Люблю играть сложных людей: кисок у меня вообще никогда не получится! Поэтому я всегда ищу какой-то комплекс качеств в человеке. Мне не интересно играть синее, жёлтое, красное. Вообще, нужно играть кубика-рубика: я называю свои роли «кубики Рутберга»! Мне кажется, всегда нужно сделать в роли какой-то объём, иначе ты плохой артист.

- Кем представляешь себя лет через «цать»?

- Это Черчилль, по-моему, сказал, что, если в 20 лет человек не революционер, у него нет сердца, а если в старости он не консерватор, то у него нет мозгов. Путь от революционера к консерватору кажется мне правильным. В молодости естественно крутить землю вручную, все менять, во всем сомневаться, но в по-

Окончание на с.6

В фильме «Кушать подано, или Осторожно, любовь!»



С Григорием Антипенко в спектакле «Медея» театра им. Вахтангова

Окончание. Начало на с.5

следней трети жизни у человека накапливается, что сохранять. Появляется консерватизм. Поэтому совершенно отчетливо вижу, как в старости стану консерватором. Буду консервировать огурцы!

- Есть ли актриса, на которую ты равняешься по уровню мастерства, по отношению к работе?

- Конечно. Их много. Лайза Минелли, Анна Маньяни и Джульетта Мазина, Фаина Георгиевна Раневская, Алиса Бруновна Фрейндлих, Инна Михайловна Чурикова. Совершенно поразительные по мощи, умные, тонкие, которые опрокидывают привычные стереотипы и по манере игры, и по тому, какие они в жизни. Для меня это всегда был повод к размышлению, но при этом чётко понимала, что есть роли, которые я не смогу сыграть или не хочу. Всегда шла вперед, а там пусть время рассудит.

- Ты много работаешь на озвучивании документальных, публицистических и мультипликационных фильмов. Твоим голосом говорит мама-курица в мультфильме Гарри Бардина «Гадкий утёнок».

- Говорит и напевает! Когда твой единственный инструмент только голос, то всё зависит от мастерства режиссёра, тем более нередко приходится работать даже без изображения. Вообще люблю озвучивать мультики, и мне неимоверно повезло с прекрасными мультипликаторами.

- Твои любимые поэты Ахматова и Пастернак?

- Они из той линейки, которая со мной всё время. Из собратьев по перу Анна Ахматова выделяла четверых: Мандельштам, Пастернак, Цветаева и она сама. И, по удивительно точному и тонкому замечанию Иосифа Бродского, именно эти четыре человека охватывают все человеческие архетипы. Мандельштам - меланхолик, Пастернак - сангвиник, Цветаева - холерик, а Ахматова - флегматик. Вот эта четверка в одно время в одной упряжке. Очень разные и при этом невероятно высокие, какие-то люди-гиганты! Они жили во времена переломных событий, которые они осмысляли. Они были образованы вглубь и вширь. Чтобы читать стихи Мандельштама сегодняшнему человеку, надо обложиться словарями и расшифровывать, что у него за греческие и римские герои, что за боги, что за эпитеты? Иначе ты вообще не поймёшь, про что читаешь. А для него это было естественно. Ахматова восхищалась Мандельштамом за то, что он совершил немыслимый поступок. Он выучил итальянский язык для того, чтобы читать в подлиннике Данте Алигьери. А у Ахматовой были две не проходящие любви за всю её жизнь - Данте и Пушкин.

- Ты пришла в Вахтанговский ещё при Михаиле Ульянове. Каким был театр тогда и как изменился при Римасе Туминасе?

- Я пришла первым набором, когда было обновление. Михаил Александрович сделал такой кувырок! Он собрал в театр такую режиссуру! К нашему приходу уже появились два спектакля, которые изменили лицо театра. Это спектакль Роберта Стуруа «Брестский мир», а до этого «Кабанчик» Адольфа Шапиро. Потом вышла наша «Зойкина квартира» Гария Марковича Черняховского. А дальше пошли спектакли и Черняховского, и Каца, и Фоменко, и Виктюка. Эти четыре режиссёра определяли палитру театра Вахтангова. Театр просто гремел. Огромное количество наших великолепных стариков там было. И мы, маленькие, пришли. И это было большое счастье.

Римас Туминас появился только благодаря Михаилу Ульянову. Когда Михаил Александрович заболел, здесь стало сложновато. Но я никогда не соглашусь с досужими разговорами тех, кто говорил, ах, какое грехопадение было в театре Вахтангова. Простите меня, но спектакли Фоменко «Без вины виноватые» и «Пиковая дама» шли. Ещё было огромное количество спектаклей, которые были поставлены до. Тяжёлая ситуация была потому, что наш Акелла был болен. Вот в чём был ужас и наша растерянность. Ушёл из театра Пётр Наумович, ушёл Кац. Уехал в Америку Черняховский. Но Ульянов всегда был настроен на то, чтобы труппой управляли сильные режиссёры. Да, были ошибки - найти режиссёров очень не просто. Мы же видим, что происходит сейчас с нашими театрами, когда ушли мастодонты, какие трудности испытывает культура. И мне кажется, что Михаил Александрович до последнего пытался сделать так, чтобы в театре была умная,

талантливая голова. Именно поэтому он обратился к Туминасу, когда тот приехал на гастроли с «Маскарадом». Как нам рассказывал Римас Владимирович, у него был свой театр, у него были прекрасные спектакли, он ездил по миру. Но он восхищался Михаилом Александровичем как артистом, как человеком. Он вроде как ему пообещал. И когда Михаил Александрович умер, Римас приехал, потому что не мог обмануть его и его надежд. Вот как Римас Туминас оказался у нас. И пошёл, конечно, другой театр. Потому что театр - это всегда почерк режиссёра. Это всегда его стилистика, это всегда его мироздание, его философия. То, что Римас Владимирович изменил всё в театре, это абсолютно точно. Другого такого театра просто нет!

- Ты как-то сказала, что у тебя были провалы.

- Человек, который не испытал провала, не может понять, что такое успех. Вот у нас был спектакль «Трёхгрошовая опера». Мы репетировали его с Черняховским почти полтора года. Красивейший спектакль, с первозданной музыкой из оперы, с потрясающими декорациями Шейнциса, с восхитительными костюмами, все пели, танцевали, катались на каталках. А потом что-то надломилось. Мы сыграли 10 или 15 спектаклей, и его закрыли. Должна сказать, что всё равно уровень этого провала недосягаем по отношению к той белиберде, которая выходит сегодня. Этот провальный спектакль можно считать «золотой маской».

- Ты боготворишь своего отца Илью Рутберга. Разговариваешь с ним?

- Не могу сказать, что разговариваю. Мы просто с ним думаем вместе. Когда я прихожу к нему на могилу, всегда рассказываю самое главное. Я его берегу. Потому что я знаю, что ему бывает тяжело за меня - понимать, в какой я ситуации, в какой ситуации искусство, в какой ситуации театр. И в какой ситуации люди оказались. Он не дожил до этого кошмара.

- Что ты имеешь в виду?

- То, что происходит с культурой - это кошмар! Остались какие-то крупицы, поразительные выставки, как выставки Врубеля, Серова. И изумительные люди - хранители музеев, которые охраняют наследие Варлама Шаламова, Чехова, Толстого, Тургенева.

Всё разоряется, всё покупается, всё сносится, никому ничего не надо. Какие спектакли ставят, какие ценности у молодёжи, что идёт по телевизору, что является модным, какие персонажи у нас в фаворе, двух слов связать не могут. Позор! Уровень того, что снимается и показывается по телевизору - это кошмар, за редчайшим исключением.

Я вот недавно ударилась в телевизор - мне что-то совсем кисло было. Шёл «Андрей Рублёв» Тарковского. Сам фильм и новелла «Колокол» - это что-то несусветное! Я несколько дней была, как будто на меня этот колокол надели. И в ушах был звон. Боже мой! Это же живопись, это философия, это душа, это сердце!

- Кто тебе нравится из голливудских актеров?

- Бред Питт. Он меня поражает! Это какая-то особенная мужская красота, грандиозный артист, абсолютное перевоплощение изнутри. В нём Бог. В нём такое обаяние! И Джонни Депп - космическое обаяние. У Клуни такого нет. Ой, а Ди Каприо! Поразительный артист!

- Подожди, а Джуд Лоу?

- О, да, Джуд Лоу! Он тоже из этой линейки. Какая харизматичность! И они все поразительно стареют. Даже не стареют - они как коньяки. У нас были такие артисты: Баталов, Ульянов, Яковлев, Гриценко. Тихонов! Янковский, боже!

- Были? А сейчас?

- Мало. Ксюша Раппопорт, восхищаюсь ею. У Вики Исаковой есть изумительные работы. Полина Агуреева интересная, Ирина Пегова, Инга Оболдина. Очень разные девочки, хорошие. У Юлии Пересильд есть очень хорошие вещи. Просто некоторых из них стало очень много и, мне кажется, они от этого проигрывать стали.

Про молодых людей я даже говорить не буду, потому что это какой-то платный засор. Так не бывает, что человеку подвластно всё, и он один может сыграть за всё человечество. Это только в минус. Конечно, есть очень одарённые люди. Но их начинают и в хвост, и в гриву, и как канарейку в чай.

С сыном и Анатолием Лобоцким

- Есть любимые произведения, те, которые в большей степени сформировали тебя как личность?

- Есть книги определённого возраста. Вот, например, Ремарк на меня произвёл неимоверное впечатление. Хемингуэй, Фицджеральд, Драйзер. Но это тогда. А сегодня, когда я читаю Хемингуэя, это уже не то. Пожалуй, кроме «Старика и море». Вот в этом есть что-то феноменальное, отношения человека с бушующей стихией.

Булгаков, конечно, «Мастер и Маргарита». При первом прочтении я была влюблена в когорту нечистей, прекрасных Азазелло, Бегемота, Коровьева и Воланда. Второй раз это была линия Мастера и Маргариты. А третий раз - Иешуа Га-Ноцри и Понтий Пилат. Это, конечно, потрясение. Представляешь, Булгаков никогда не был в Иерусалиме, а так его описал! До дома, до камня, до стены - всё описано! Там же экскурсии проводят по «Мастеру и Маргарите».

Когда читаешь цветаевские стихи - это одно. Но проза! Такой прозы нет ни у кого. Поэтическая проза только у Пушкина. Как она пишет! Где она находит эти слова! Про Евгения Онегина - это музыка, это симфония!

Вот так же балдею от картин. Я очень люблю Ван Гога. Когда я оказалась в Амстердаме в музее, там три этажа, я успела дойти до корабля, у меня уже была температура 39,7 - от того, как на меня воздействовал Ван Гог этими своими мазками.

А музыка! Когда играет Рахманинов, у меня через 12 секунд душа рвётся, я начинаю рыдать. Для меня это «нервно-паралитический» композитор, ничего с собой не могу поделать. Для меня Рахманинов в живописи - это Врубель.

Недавно была на выставке - невозможно оторваться!

Понимаешь, ничего нет отдельного в жизни. Стихи - это музыка. Литература - это сонатная форма, это цвета, голоса, это немыслимые художественные образы, потому что проза - та же живопись. А стихи - это тоже сублимация чего-то мощного. И это всё очень нервно. Когда начинаешь резонировать, это нервно. Хорошо играть на сцене - это нервно. Писать стихи очень затратно.

Как «фонят» стихи Ахматовой! Как «фонит» то, что написала Цветаева!

Ты просто читаешь, ничего не разыгрываешь, а люди - плачут.

- Ты универсальная актриса: комедия, драма, мюзикл, кабаре - всё подвластно. А что ты любишь больше - смешить людей или вызывать у них слёзы?

- Больше всего я люблю трагикомедию. Мы сотканы из этого. Человек не может всё время плакать и не может всё время смеяться - значит, он болен либо в одну сторону, либо в другую. Трагикомедия - это Феллини. И все великие режиссёры - это трагикомедия. Потому что это и есть наша жизнь.